

Самозванец

А. Корсаковский

Москва

Тр-студий налого-запас

Трудный переход

Т Е А Т Р

Спектакли для подростков традиционно считаются «кавалесового пафоса» нашего театра, особенно — детского театра. С малышами все более или менее ясно: надо ставить для них хорошие спектакли, делать это «как для взрослых, только лучше». Подростки на спектакль уже выросли.

Что же, говорить с ними со сцены, как со взрослыми? То же не получается. Ну кто из взрослых согласится, например, с тем, что отсутствие у героя фирменных джинсов может обернуться настоящей трагедией? Конечно, никто. Они или махнут рукой: «Подумаешь, тряпки!», или, случись с ними чужое, пойдут да достанут себе эти самые джинсы. А вот когда человеку приходится «шестнадцать лет, обстоятельства могут сложиться так, что из-за «тряпки» он рискует не только потерять расхолаженные предки, которые очень нравятся, но и разочароваться в жизни...

«Дюнушка № 46, рост второй» — читается на афише, извещающей о премьере в Центральном детском театре. Спектакль по пьесе журналиста Юрия Шеконкина, много в интересно пишущего о проблемах молодежи, поставил главный режиссер театра Алексей Воронин и режиссер Анна Некрасова. Спектакль рассказывает о подростках — тех, на которых и ничего пока не поворачиваемом возрасте, который называется переходом. Преходимый — куда, к добру, осознанному и счастливному труду или к злу, пустому прозябанью души? Вот в чем вопрос.

Как внешне нехорошо две компании ребят, выведенные авторами в центр действия. Один — «волаки» — из тех, что хулиганят на стадионах, а потом милоют красотой на городских стенах маловразумительные надписи, что могут оставаться прологом к какой-нибудь воровке, а то и остаться без шапки. Их хоромы живут в местном отделении милиции. Другое — «шараги» — заблужденно освещенные родителями навязчивой одеждой и техникой учителя следствия, испорченно поносящие бабушкин и басейный в уже генерале представляющие себя в зените скорой славы на дипломатическом для журналистского попрания. И сколько в то же время между «шарагами» и «волаками» — именно здесь верные обретенного чувства локтя: «У нас все вместе. Попрошу только троих напоить» и кончай страданиям — уверенность в своем праве унизить, даже убить подростка, если он не «свой», если принадлежит другой компании. «Полая и лая, как собака» — упиваясь собственной беззастенчивостью, командует глава «волаков» Ардекино (зрелая и точная работа молодого ак-

тера С. Серова) испуганному мальчику Лешке... «А почему он должен лаять? Он же человек!» — не выдерживает вздох оленя из снах — Чиж (его самозванство, с большой отдачей играет И. Нефедов).

Двое — Чиж и Лена (артистка Л. Мораская) — вырываются из этого порочного круга, вынужденного на ложно помыслив отношения товарищеские и промаленных доблестей, на указавшей бездуховности. Важно, что театр, рассказывая эту драматическую историю (а Чиж заллал за свою свободу от «полюбов-сямишком дорожку цену», и не оставил строгим наблюдателем, не упадет в менторский тон — театр переживает за своих героев, смеется или негодует так же страстно, как делает это зрительный зал.

Позвольте, спросит зритель, а где же происходит все эти драмы и драмы детских, еще неокрепших душ? Почему на них никто не реагирует взрослые, родители? Не реагируют, потому что часто просто ничего об этом не знают, от востан бы Публичности заострено, но социологически точно фиксирует спектакль моменты общения героев с папаша и мамаша — в большинстве своем неплохими, «воображаемыми» людьми. «Ты уроки сделал?», «Ты завтра придешь?», — этими вопросами, заданными в светской (дел-то сколько!) почти исчерпывается диалог современных отцов и детей. Сыт, здорров, рассуждают многие родители, что же еще? Конечно, в душу ребенка подростка на бегу, на пути между магазином и прачечной, не заглянешь. На это нужны время и силы. Нужна особая любовь — заботливая больше о том, что за человек растет в твоём доме, нежели о том, что он в этом доме ест и спит. Не хватает нам сегодня такой любви — об этом тоже прямо и ясно говорит новая работа Центрального детского, прижившаяся удача комедийная и в плане постановки актуальной проблемы на детской сцене, и в плане художественной ее разработки.

Трагикомическая ситуация на ту же тему складывается в другом спектакле — комедии «Сны и бреды» Л. Корсаковского — постановкой В. Белоконичем в Московском театре-студии на юго-западе. Шестнадцатилетний Дима, мальчик из обеспеченной и вполне благополучной семьи, всей душой мечтает и в плане постановки, мечтающий воспитать в сыне волю и жизнелюбивую хватку, а... к всудачнику Гусеву, работающему грузчиком в соседнем магазине. Дело в том, что Гусев, единственный в от-

лице, принимает Диму всерьез — и с его первой неловкостью, и с его попыткой написать музыку, чтобы выть выход своим чувствам. Гусев и Гусевы — это не только Димину отцу, за врожденно самолюбия, а позволяет подростку сокровенные переживания, делится с ним «воими бодами». «Самозванец» привлекает удачно выделенной яркой театральной формой. Простое и остроенное действие протекает под непрерывно смеющимся друг друга, нарочито громко звучащие модные шпигеры, актеры играют на грани эксцентризма, вызывая хохот в зале. Но наступает момент, когда за язвочными ритмами и комедийными приемами проглядывает истинный трагизм отношений героев.

«Вообще жажда сердца, сочувствия, великой любви», — так говорит Дима в подлиторальных материалах к роману «Подросток», характерная душевной настрой флюгера. По пути к этому же, пускай даже бессознательно, страстно тлится все ребята, о которых рассказывал наш названный спектакль. Ведь именно в юности ощущается некая перебока душевного сна, который застывает именно любить или смертельно ненавидеть то, что столь большая любовь не стоит. И как можно направить эти силы по верному руслу, не дать им пропасть, растрагиться на пустяки. Как важно заставить ребят поверить, что «великая идея», когда она выбрана правильно и принята всеми сердцами, способна сделать детскую жизнь самого обыкновенного человека, даже если прожил он на свете всего двадцать с небольшим лет...

Он учился в университете, мечтал о путешествиях, о большой любви. Ни чему не суждено было сбыться — в феврале 1907 г. за связь с социал-демократической партией, за активное участие в подготовке декабрьского вооруженного восстания в отомстве как важный доверенный владелец богатейшей мебельной фабрики Николай Шмит был зверски убит в одиночной камере Вутырской тюрьмы. Еще в 1905 г. он успевает записать в своем дневнике, что «любовь — это социаль-демократическая партия». «Любящий вас Коля» — так подписывал Шмит письма родным из тюрьмы, где его мучили больше года. Так и звали свой дневник Николай Шмит в театре на Малой Бронной (автор пьесы В. Москаленко, режиссер В. Драгунов, руководитель постановки С. Яшин). Хотя дали еще и точный подзаголовок — «Ювеня Русь».

Спектакль в парижской постановке — не совсем обычно. На сцене за полковой мебелью, фотографиями и прочими бытовыми реалиями начала века, явствует табличка «Замена экспозиции». Можно предположить, что действие происходит в

музее и сидящий за столом молодой человек в свитере и джинсах (тех самых, что стали «ловушкой» для других наших героев) — просто историк. Но вот он встает, выбрасывает на пьезе студенческую туфлю, дорезавший подростку порку, и исторические рамки происходящего смещаются. Прием не новый — мы знаем, что часто он и остается всего лишь приемом. Однако в этот раз вместе с ним неуловимо меняется и сама атмосфера действия — в воздухе словно повисает гроза, предчувствие бури, обоим, которого так жадно ждала Россия накануне событий 1905 г. Во многом так происходит благодаря мастерству исполнителя главной роли — актера С. Тарамеева.

С. Тарамеев играет Шмита по сегоднешнему сдержанно, адекватно и — в то же время — раскрывая все потайные душевные богатства героя — от юношеской невинности, меры в то, что не может с ним, страстно желающим только добра людям, провозить в чужое плохое, до сознательного предчувствия смерти за идею великой любви. Шмит — это многолик, личность героя поворачивается к нам разными гранями в общении с множеством людей — среди них хочется выделить Савву Морозова и мебельного промышленника Левасова в ярком исполнении В. Смирнитского и Ю. Катина-Ярцева.

Юность всегда идет героическими примерами. Русская история на редкость богата такими примерами — и искусственно в свой очерке отступать за то, чтобы наши дети не повзрослели зная и о Радичеве, и о декабристах, и о Николае Шмите, чтобы в их сердцах на всю жизнь сохранилось восхитительное духовное наследство благородством многих и многих известных и безымянных героев, интересы Отечества всегда ставивших выше, чем свои собственные. Не случайно с труппы КХХVII съезда в парижской постановке об эстафете идеолов справедливости и свободы, которую должна достойно нести в будущее наша молодежь.

Важно, чтобы было «делать жизнь с югом» — в противном случае в подлиторальности место фетиша, невразумительные еще силы употребляются на желостистые цели. Важно и другое — чтобы разговор с молодежью аудиторию был предельно честным. Не договорившись, сиречь спектакль не состоялся, не может уже не поверят. Наоборот, открытое обсуждение самых сложных и противоречивых явлений жизни подростков, если оно подкреплено принципиальной нравственной позицией самого автора, как и «Дюнушка» — «Дюнушка» — даже серьезный воспитательный эффект, ускоряет трудный переход от юношеской инфантильности к взрослому умению отвечать за свои поступки.

Н. АГИШЕВА